

Мери Каммингс

Стеклянные цветы

«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
М52

М52 **Мери Каммингс**
Стекланные цветы / Мери Каммингс – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию». – 506 с.

ISBN 978-5-519-66277-2

""""Конец свободе!"""" - написала в календаре Бруни, обведя черной рамочкой тот день, когда отец прислал к ней в дом Филиппа Берка." "Больше никаких наркотиков и никаких скандальных историй!"""" - ишь, чего захотели! Это же не жизнь, а скучища получается! Но делать нечего - как-то придется уживаться. Но делать нечего - как-то придется уживаться. Да и самому Филиппу не слишком по душе роль ""няньки"" при вздорной и неуправляемой миллионерской дочке. Если бы не обещанные ее отцом деньги, он бы никогда на это не согласился...

Немало воды утечет прежде, чем он скажет: ""Ну... мы же с тобой вроде как друзья!"" - и еще больше - прежде, чем сама Бруни поймет, - и еще больше - прежде, чем сама Бруни поймет, что ближе, чем Филипп, у нее нет никого на свете"

Художник - Алеся Резникова

ISBN 978-5-519-66277-2

© Lennex Corp, 2020
© Мери Каммингс, 2020

ПРОЛОГ

"Дорогая доченька!

Твое поведение в последнее время, как выражаются в любимых тобой романах, "переполнило чашу моего терпения". Посему я вынужден безотлагательно принять к тебе жесткие и, боюсь, не слишком приятные для тебя меры.

Человек, вручивший тебе это письмо, будет, по мере сил, не допускать, чтобы ты снова вляпалась в какую-нибудь историю. То есть: никаких наркотиков, никаких скандальных публикаций в газетах и никаких арестов по какой бы то ни было причине.

Этот человек будет жить в твоём доме, всюду сопровождать тебя и числиться твоим телохранителем (кстати, он и вправду специалист в этом вопросе). Разумеется, ты можешь в любой момент отказаться от его услуг - но это означает и отказ от тех сумм, которые до сих пор бесперебойно поступали на твой счет.

Полномочия у него самые широкие, и жаловаться мне на него бесполезно - если ты заявишь, что он тебя изнасиловал, я все равно не поверю (скорее, предположу обратную ситуацию), если же он, что называется, поднимет на тебя руку, то (да поможет ему бог!) сделает не более того, что уже много лет хотелось сделать мне самому, ибо, по моему глубокому убеждению, ты давно заслуживаешь хорошей порки. Ну, а обвинение в краже серебряных ложечек будет выглядеть просто смешно..."

Женщина дочитала письмо, включая подпись: "Твой любящий папа", и растерянно перевела взгляд на сидевшего напротив нее человека.

- Это что, какой-то розыгрыш?!

- Боюсь, что нет.

- Что он, свихнулся, этот старый мудака? Какого черта? Где мой адвокат?! - повысила она голос и тут же осеклась, вспомнив, что кабинет в полицейском участке - не лучшее место для того, чтобы закатывать скандал, особенно после ночи, проведенной в "обезьяннике".

- Адвокат ждет в приемной. Он получил указание не вмешиваться, пока мы не договорим.

От кого указание - спрашивать было лишним. Адвокатская контора "Штернгольц и Майер" представляла не только ее собственные интересы, но и интересы ее отца в Германии (собственно, и услуги адвоката обычно оплачивал он), и любой ее представитель прыгал перед ним на задних лапках.

- Вы хотите сказать, не договоримся?

- Можно и так.

Женщина снова перечитала последние строки письма:

"А вообще - не считай, что наступил конец света. Парень он неплохой - я надеюсь, что вы уживетесь и поладите."

Взглянула на своего собеседника и подумала, что едва ли это получится. Судя по выражению его лица, он придерживался того же мнения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Линнет... Имя твое - как журчание ручейка, как перестук капель весеннего дождя, барабнящих по молодой листве: Линнет, Лин-нет... Да и глаза твои цветом точь-в-точь как эта листва. Линнет... Наверное, в тебе течет кровь сказочного народа, тех фей, которые водят по ночам хороводы по зеленым холмам твоей страны. Может быть, твое имя - это часть их волшебной песенки: Линнет... Лин-нет...

Сидевшая в кресле девушка рассмеялась - возможно, потому, что от человека, говорившего это, меньше всего можно было ожидать подобных слов.

Высокий, крепко сложенный, с могучими плечами и бицепсами, он смахивал на портового грузчика или на профессионального футболиста. Черты лица были вылеплены так грубо, что это граничило с уродством, глубоко посаженные глаза казались слишком маленькими на квадратном лице с тяжелой нижней челюстью. Коротко постриженные светлые волосы, густые белесые брови... Лишь голос, мягкий и ласковый, контрастировал с этим неказистым обликом.

- Линнет... Имя твое - словно перепев пташки, одной из тех, которых ты так любишь разглядывать. Возможно, той, которая подарила тебе свое имя? Хотя нет, как выглядит коноплянка, я уже знаю - а вот остальных так и не смог запомнить. Кивал, когда ты говорила: "Смотри, кардинал полетел!" - но до сих пор понятия не имею, какой он, этот кардинал...

Брови Линнет сдвинулись, глаза стали настороженными, но

стоило ему продолжить, и лоб ее тут же разгладился.

- Линнет... Колдунья моя зеленоглазая. Я уезжаю. Теперь меня не будет долго... очень долго - но ты же не будешь сердиться, правда? - Он улыбнулся и покачал головой. - Нет?

Она тоже улыбнулась и покачала головой в ответ. Повторила:

- Нет... Нет...

Казалось, они одни во всем мире. Поросший травой холм, на склоне которого мужчине удалось найти ровный пятачок, надежно отгораживал их от посторонних взглядов. В теплом весеннем воздухе пахло травой и листвой - тем свежим запахом, о котором в городе можно лишь вспоминать; где-то неподалеку пересвистывались птички, а внизу, у подножия холма, начинался лес - недаром это место называлось "Форрест Вью".

На вершине холма появилась женщина в светлом платье. Мужчина нагнулся, быстро поцеловал Линнет в щеку - она чуть поморщилась.

- Ну вот, Линнет - мне уже пора идти. Я постараюсь приехать как можно скорее... постараюсь, Линнет...

- Линнет... - повторила она.

- Ну, как мы тут? - спросила, подходя, женщина. - И как наша малышка Линни?

Он этого бодренького "мы" челюсти у него сами сжались, возникло чувство, словно где-то недалеко заработала бормашина.

- Не называйте ее, пожалуйста, Линни, миссис Касслер. Ее зовут Линнет.

- Да, конечно, мистер Берк, Линнет, - торопливо поправила она.

- Я теперь приеду не скоро. Будет приезжать моя сестра.

- Хорошо, мистер Берк.

Мужчина нагнулся, погладил Линнет по руке, сказал:

- Я ухожу. Счастливо, Линнет.

Она не ответила - внимание ее было целиком приковано к янтарным бусам на шее миссис Касслер.

Кивнув сиделке, он повернулся и пошел вниз по склону холма. Выйдя на огибающую холм дорожку, обернулся, хотел махнуть на прощание рукой, но передумал. Его жена, Линнет Берк, все равно не поняла бы смысл этого жеста - уже второй год она почти не могла ни ходить, ни говорить и во многих отношениях находилась на уровне годовалого ребенка.

Вот и все - теперь они не увидятся очень долго. Если бы Филипп сказал кому-то, что жалеет об этом, его бы, наверное, не поняли. Или не поверили. В самом деле - хоть на какое-то время избавиться от обязанности навещать жену, которая все равно ничего не понимает и едва ли заметит его отсутствие.

Но Филипп знал, что будет скучать. Он уже привык приезжать к Линнет каждое воскресенье, сидеть, держать за руку, разговаривать. Сначала - надеясь, что от какого-нибудь случайного слова или просто от голоса близкого человека нарушенные связи в мозгу Линнет вдруг восстановятся и к ней вернется память. Потом - просто привык.

Он разговаривал с ней часами - рассказывал обо всем, что происходило, делился своими чувствами и мыслями. Иногда она улыбалась - без всякой связи с тем, что он говорил; иногда - хмурилась.

За эти долгие месяцы Филипп уже понял, что ей нравится

звучание ее собственного имени, поэтому он старался повторять его как можно чаще.

До сих пор, вопреки утверждениям врачей, что "определенный прогресс, конечно, возможен, но едва ли миссис Берк когда-либо сможет полностью вернуться к нормальной жизни", вопреки всему, что он знал об ее болезни, ему казалось, что в один прекрасный миг глаза ее оживут, и она скажет: "Филипп!"

Но сколько он ни приезжал, чуда не происходило...

Больше всего ему сейчас хотелось поехать домой и лечь спать. Прошлой ночью он засиделся над документами и теперь чувствовал себя не то чтобы усталым, а слегка пьяным, как это обычно бывало у него от недосыпа.

Но визитом в клинику не исчерпывались все дела этого длинного дня. Самолет вылетал в одиннадцать вечера - до того ему предстояло успеть еще многое. Он надеялся только, что именно сегодня Эдна хоть раз в жизни обойдется без своих обычных попреков.

Увы - надежда не осуществилась. Едва открыв ему, она сказала вместо приветствия:

- Ты опоздал к обеду. Опять в клинике полдня проторчал?

Невысокая и сухопарая, с волосами мышиного цвета и острым носиком, она выглядела немолодой, хотя была старше Филиппа всего на пять лет. Непонятно, что способствовало этому впечатлению: то ли брюзгливо поджатые губы, то ли постоянно недовольное выражение лица.

Не желая ссориться и объясняться, он пожал плечами, но вместо того, чтобы пройти на кухню, кивнул наверх, в сторону

лестницы.

- Она спит, - последовал ответ на безмолвно заданный вопрос. - Детям днем положено спать - ты что, не знаешь?

И тут не удержалась - если не словами, то интонацией постаралась намекнуть, что все, что он делает, неправильно, лицемерно, эгоистично... что там у нее еще в запасе?!

- Знаю. Я зайду к ней?

- Руки помой с улицы. И не разбуди.

- Я посижу просто.

Девочка действительно спала - маленькая, розовато-смуглая, в комбинезончике с вышитым на кармашке белым зайчиком - лежала на спинке и улыбалась во сне. Ресницы были сомкнуты, но Филипп знал, что если она откроет глаза, они окажутся такими же зелеными, как у матери. И волосы были такими же - иссиня-черными, мягкими и шелковистыми, и улыбка - даже правый уголок рта, как и у Линнет, приподнимался чуть выше левого...

И еще он знал, что, едва открыв глаза, она обрадуется и потянется к нему. Это, кстати, тоже служило предметом попреков: "Девочка к тебе тянется - а ты от нее шарахаешься! Она же ни в чем не виновата! И любит тебя!"

Она и правда любила его, бескорыстно и радостно, будто каким-то непонятным образом догадывалась, что он - ее отец. Когда Филипп брал ее на руки, она тянулась к нему маленькими лапками, пытаясь дотронуться до лица, и лопотала что-то, и прижималась как можно теснее - и потом не хотела уходить с рук, цепляясь за него и обиженно кривя ротик.

Но Эдна была не права - он ни в чем не винил девочку.

Наоборот, чувствовал себя виноватым перед ней и, как ни смешно это звучит, в глубине души даже слегка побаивался. Она была такой маленькой - и в то же время непостижимо похожей на Линнет, только уменьшенную какой-то злой силой.

Ее и звали как мать - Линнет, или просто Линни.

Линнет...

Ему до сих пор казалось чудом, что Линнет Дейн - изящная и очаровательная, настоящая ирландская фея с глазами цвета молодой листвы - обратила внимание на него, молчаливого мужиковатого парня, приставленного к ней в качестве телохранителя.

Но для них обоих это была любовь чуть ли не с первого взгляда. Не прошло и двух часов, как они уже гуляли по набережной и разговаривали о чем попало, понимая друг друга с полуслова; рука Линнет то и дело касалась его руки, и Филипп чувствовал себя счастливым, как никогда в жизни. Он с трудом заставлял себя не смотреть без конца на нее, а следить за тем, что происходит вокруг - ведь для этого его и наняли ее родители.

Дело в том, что Линнет, молодой, но уже известной художнице, начали приходить письма от "поклонника ее таланта" - так подписывался их автор. Сначала это были обычные похвалы, потом последовали признания в любви.

Испугалась Линнет, когда вслед за признаниями последовало заявление: "Мы уйдем в заоблачный мир вместе и будем там вечно любить друг друга". Она отнесла записку в полицию - ей посоветовали быть осторожнее и поменьше выходить одной на улицу.